

Андрей Добров
Поэртизан

Опыт борьбы в райских куцах

Андрей Добров

Поэртизан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18514456

ISBN 9785447472962

Аннотация

Стихи разных лет, собранные дворником, когда он сметал осенние листья, насвистывая народную киргизскую песню о девушке, полюбившей молекулярного биолога.

Содержание

К читателю	5
В поход	6
Двумерный сонет	7
Офицеры и поэты	8
Коридоры	9
Пехотный батальон	10
Два голых человека	11
Не спи	12
Сонет о луне	13
Зимние отцы	14
Женская душа	15
Икар	16
Два мамонтенка	17
Июнь	18
Паучок	19
Конец двадцатого века	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Поэртизан
Опыт борьбы
в райских кущах
Андрей Добров**

© Андрей Добров, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

Поэртизаны, ушедшие в дремучие райские кущи, выходят по ночам и бьют ангельские рати Изящного Воинства своими корявыми стишатами, и, казалось бы, что Ангелам до этих слабых, доморощенных рифм?

Но ведь важен не эффект, не горы трупов, покрытых обугленными перьями, а сам факт существования сопротивления.

Поэртизаны в старых черных бушлатах и свитерах-водолазках, с папиросами в зубах и спичечными коробками в карманах – мы бессмысленны. Мы не нужны карликовому миру современной русской поэзии.

Но мы есть, и что теперь с этим поделать?

В поход

Вороны реяли над темными крестами.
Ты лоб перекрестя двумя перстами,
Толкнул коня в бока. Он дернул гривой
И пошагал вперед неторопливо.
Смотрели бабы, молча, опустело.
Проплыл собор стеною ярко-белой.
Там на крыльце стояли неживые
Властители распавшейся России.
И все, что с ней теперь должно случиться —
На острие копья в твоей деснице.

Двумерный сонет

Что удивительного в том,
Как наши жизни не совпали?
Ведь Богу не важны детали,
Он их оставил на потом.

И в темной студии небес
Затерян слабый наш набросок
Среди холстов, листов и досок
И недоделанных чудес.

Но удивительное в том,
Что мы дышали полным ртом,
Хоть воздуха нам было мало.

Двумерность нам не помешала,
Когда двумерны мы вдвоем.
Что ж удивительного в том?

Офицеры и поэты

Офицеры и поэты —
Окровавлены манжеты,
Рифмы, острые как шпаги,
Кони – резвы, девы – наги.
В восемнадцатом столетии,
Злы, чисты, пьяны как дети.
В продырявленном камзоле
Сердце просится на волю.
Ничего, что ваши букли
Кровью алою набухли,
Если в кружеве сраженья
Слышишь сталь стихосложенья.

Коридоры

Мы живем в коридорах
Здесь десятки дверей
И за каждой молчат
Стаи жадных зверей.
И войти мы боимся
И боимся уснуть.
Утешаясь одним —
Как прям этот путь.
Не шагнуть вправо-влево,
Никуда не свернуть.
Нам не надо любви —
Только хлеба чуть-чуть.
И на каждую дверь
Покрепче запор.
И тогда мы полюбим
Наш коридор.

Пехотный батальон

Приник к земле пехотный батальон.
Он завтра станет кормом для ворон.
Он ждет сигнала гибельной атаки
В предутреннем холодном полумраке.
Земля передовой уже мертва.
И серая мертва на ней трава.
И небо серое провисло над окопом,
Чтоб легче нам попасть на небо скопом.

Два голых человека

Лежат два голых человека.
Под ними – смятая постель.
Мужчина курит сигарету.
На улице метет метель.
А женщина лежит спокойно,
Лежит и терпеливо ждет,
Когда печаль его растает
И снова он в нее войдет.
Лежат два голых человека
Лет сорока. И не спешат.
Вопрос моральности поступков
Они, конечно же, решат.
Решат они легко и просто —
Поскольку за окном метель
Поскольку дом их – это остров,
То выход – все-таки – постель.

Не спи

Не спи. Не спи. Сегодня ночью
Во тьме рождаются стихи.
И с неба падают как клочья
Холодной белой чепухи.
И покрывают землю, крыши,
Бульвары, парки и мосты.
Их шороха никто не слышит.
Одна лишь ты.

Сонет о луне

Читай меня. А что нам остается?
Меж нами километры пустоты,
И робкие воздушные мечты.
В ней воплотить никак не удастся.

Читай меня как книгу в темноте,
Не видя букв, но смысл понимая.
И душу из страницы вынимая,
Не уступай пространство пустоте.

Луна над нами все-таки одна,
Пускай за облаками не видна —
Она там есть. Она, конечно, светит.

И если крикнешь ей – она ответит.
И эхо, отразившись от луны,
Вернется к нам предчувствием весны

Зимние отцы

Снег беспрерывно шел два дня.
И укрывал Москву как будто
Отец безумный укрывает дочь,
Хотя в квартире все разбиты окна
И дочь ушла с каким-нибудь убудком.
Но снег валил-валил-валил-валил...
И все, что было плохо – исправлял.
Наутро плавных линий было столько,
Что мне казалось – я качусь на санках,
Но – медленно. Белела тишина
На городе, в котором не бывает
Ни тишины, ни белизны обычно.
Мы словно дети из японской сказки,
Бродили среди снежного барокко,
Свисающего с веток. Даже птицы
В то утро не решались исчеркать
Своими лапками неимоверность снега.
И мы не замечали ни машин,
Ни светофоров, ни людей – как будто
Мы шли тропой по сказочному лесу —
И вот сейчас увидим ледяную
Сверкающую башню на скале.

Женская душа

Мой друг, у женщин нет души.
А это псевдотрепетанье —
От ветра. Словно камыши
Что у болота мироздания.
Шумят, волнуются, трещат...
И не хотят твоих иллюзий.
А что тогда они хотят?
Каких-то призрачных диффузий.
Слиянья. Корневой системы.
Передника, а не «Богемы».
Не неба даже – потолка,
Чтоб клеткой стал для мотылька.

Икар

Ты рояль исступленно терзала,
Превращая Шопена
В разорванных бус дребедень.
Я взял трость и сказал:
Неужели вам этого мало?
И раскрыл твою дверь.
А за дверью был пасмурный день.
Я ушел. Ты легла
На ковер из далекого Конго.
И тихонько смеялась
Сквозь чернотекущую тушь.
Расставание было
Болезненно, остро и тонко.
Словно спицу воткнули
В сплетение тесное душ.
Я шагал под зонтом,
И дымил своей верной сигарой.
Бледный, мудрый, больной,
Не надев даже пары калош.
Так сгорают в зените
Невинные судьбы-икары,
Не поняв, что зенит
Это ложь. Это вечная ложь.

Два мамонтенка

Вы может быть давно уже мертвы,
А я все также Вас зову на Вы.
А может быть, когда и я умру
Мы станем фотками на Одноклассник.ру —

Сон сервера в далекой Воркуте —
Два мамонтенка в вечной мерзлоте.
Как это сладостно. Но вот одна беда
Я больше ревновал бы Вас тогда.

Светойдные устраивая бури —
Так, чтоб сверкало ажно в Сингапуре,
Я рвался бы неведомо куда...

Я врезал бы по звездам со всей дури!
Я волком выгрызал бы провода,
Что б Вы... хотя бы... вежливо...
Взглянули.

Июнь

Нет ночью тишины – цикады
стрекочат словно сотни погремущек.
И не хватает лишь рояля Монка.
Порой в Москву прогромыхает поезд.
В цистернах – нефть. А может – ночь сгустилась.
Он ночь везет в Москву – я так подумал
и как разведчик влез под одеяло.
Пусть им привезут побольше ночи,
которую в Москве так мало любят,
а если любят, то за блеск витрин,
за фонари и за метро пустое,
за желтый свет в окне и за рассвет,
когда усы топорща водяные,
машины поливальные прибьют
всю пыль, которая скопилась ночью.
Когда же заблестит в Москве асфальт,
я буду спать еще на этой даче,
не уловив, когда цикады смолкнут,
и птицы защебечут за окном.
Когда трава и листья, и цветы
намокнут от росы.

Паучок

Тебе, любимой и забытой,
нытье души я посвятил.
И этой мукой освятил
замок двери твоей закрытой.

Слезую чистою омытый
твой образ я не сохранил,
когда и думать запретил
себе о нежности. Сокрытый

во мне отшельник, подавил
во мне все чувства. Я убил
жучка любви. Но он, убитый,

меня царапнуть норовил,
пока ему хватало сил,
своею ножкой ядовитой.

Конец двадцатого века

Там ветер ветки шевелит
и в темноте стучатся капли
дождя в окно.

Там вечер, май и двор,
в котором тихо.

Дети этим утром
уехали на дачу, в лагеря.

А может быть, сидят в своих квартирах
и смотрят допотопное кино
про девочку и диких журавлей...

Ты чувствуешь, как за строкой строка
под действием, наверно, коньяка,
становится похожа на дорогу
в глуши —
колдобины и ямы попеременно.
Напиток, что струится

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.